

A romantic couple stands close together in the rain on a city street at night. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a black, backless, form-fitting dress. The man, on the right, is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. They are looking at each other. The background is a blurred city street with colorful neon lights and rain falling around them.

Максим Взор

**ЕГО РУССКАЯ
СЛАБОСТЬ 2**

18+

Максим Взор

Его русская слабость 2

<https://litres.ru/74568478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа Его русская слабость! Неожиданный поворот острой любовной истории! Нью-Йорк также опасен и притягателен для русской души

Максим Взор

Его русская слабость 2

Глава 45. Тень из прошлого

Нью-Йорк больше не встречал меня дождём. Сегодня он сиял, словно отполированный миллиардами долларов, вложенных в его стеклянные и стальные небоскрёбы.

Я стояла у панорамного окна своего офиса на двадцать пятом этаже и смотрела вниз, на муравейник Манхэттена. Два года. Целая вечность, которая уместилась между первым криком нашей дочери Миранды и тихим, едва ощутимым трепетом в моём животе, где уже росла новая жизнь. Второму ребенку было суждено родиться зимой.

Агентство «Вторая глава» занимало два этажа в стильном лофте в Сохо. Мы не просто бронировали девушкам контракты. Мы давали им юристов, психологов, охрану и, самое главное, право сказать «нет». Мы стали щитом для тех, кого индустрия моды привыкла перемалывать в пыль, выплёвывая сломанные кости на обочины славы.

— Вера?

Я обернулась. Нора, мой заместитель и человек, который прошёл со мной через предательство и прощение, стояла в дверях. В руках она сжимала планшет так, будто он был раскалённым утюгом. Её лицо было серым.

— Что случилось?

— Алиса не вышла на связь.

Я нахмурилась, инстинктивно положив ладонь на округлившийся живот. Алиса была одной из моих самых перспективных моделей. Девятнадцать лет, сирота из Бруклина, с тяжёлым прошлым, шрамом на левом плече и лицом ангела, сошедшего с полотен Ренуара. Я взяла её под личную опеку. Сегодня утром она должна была сесть на рейс до Парижа. Закрытый кастинг для «Maison Valerius» — элитного европейского модного дома, который в этом сезоне гремел на всех обложках, создавая эстетику «хрупкой, сломленной красоты».

— Ты звонила ей?

— Десять раз. Телефон выключен. Я связалась с парижским офисом «Valerius». Их менеджер, какой-то скользкий тип с британским акцентом, сказал, что Алиса просто не явилась на предварительную встречу, и они сняли её с кастинга. Сказали: «Мы не работаем с недисциплинированным мясом».

Мясо. Это слово ударило меня под дых.

— Это не в её правилах, — сказала я, чувствуя, как внутри зарождается холодный, липкий ком тревоги. — Она бы скорее умерла, чем упустила такой шанс. Тем более после того, как мы с ней вчера репетировали каждое движение. Она плакала от счастья, Нора. Она говорила, что теперь сможет оплатить лечение своей бабушке.

— Может, она испугалась? Сбежала?

— Нет.

Я подошла к столу и открыла ноутбук. Экран осветил моё лицо холодным светом.

— Покажи мне контракт, который мы подписали с «Valerius».

Нора вывела документ на экран. Я пробежала глазами по мелкому шрифту, пропуская стандартные условия о неустойках, пока мой взгляд не зацепился за странный, замаскированный под юридическую казуистику абзац.

«Пункт 14.в: Модель соглашается на безвозмездную передачу прав на использование своего биометрического и физического образа в закрытых архивах дома моды, включая приватные показы на территории, не подлежащей юрисдикции публичного права, сроком на 99 лет».

Кровь отхлынула от лица.

— Кто был их представителем в Нью-Йорке? — спросила я, и мой голос прозвучал чуждо, с металлическими нотками, которых я сама от себя не ожидала.

— Человек по имени Люсьен. Очень вежливый. В дорогих часах. Но от него веяло... не знаю. Холодом. И формалином.

Я закрыла ноутбук. Интуиция, выработанная годами выживания рядом с самым опасным мужчиной Нью-Йорка, кричала мне, что мы только что отдали овцу на заклание волкам.

В этот момент стеклянная дверь офиса распахнулась.

В комнату вошёл Макс. На нём был тёмно-синий костюм, который идеально сидел на его широких плечах, но галстук был ослаблен, а в глазах читалась та самая усталость, которую он пытался скрывать от всех, кроме меня. Он только что вернулся с переговоров по своему благотворительному фонду.

Увидев его, я выдохнула. Два года спустя он всё ещё был для меня центром гравитации. Но сейчас его взгляд мгновенно стал острым, сканирующим. Он почувствовал моё напряжение раньше, чем я успела открыть рот. Хищник в нём никогда не спал, он просто дремал у моих ног.

— Что случилось? — спросил он, подходя ко мне. Его большая, тёплая ладонь легла мне на поясницу, и я инстинктивно прижалась к его теплу.

— Алиса пропала, — сказала я.

Макс нахмурился.

— Та девочка, которую ты взяла из приюта?

— Да. Она должна была улететь в Париж. Для «Valerius».

При звуке этого названия мышцы под моей ладонью напряглись, превратившись в камень. Макс замер. Воздух в комнате словно стал разреженным.

— «Maison Valerius»? — переспросил он тихо. Слишком тихо.

— Ты их знаешь?

Он не ответил сразу. Его челюсть сжалась так, что я услышала скрежет зубов. В тёмных глазах мелькнула тень, кото-

рую я не видела со времён нашей первой войны. Тень того самого чудовища, которого боялся весь Восточный берег.

— Нора, оставь нас, — произнёс он. Голос был ровным, но в нём звенела сталь, способная резать стекло.

Нора молча кивнула и выскользнула из комнаты.

Макс повернул меня к себе. Его руки легли мне на плечи, большие пальцы осторожно поглаживали ключицы.

— Вера, послушай меня очень внимательно. Отмени все поездки. Ни ты, ни твои девушки не должны приближаться к людям из «Valerius». Завтра же нанимай вооружённую охрану для каждого контракта.

— Макс, это просто модный дом. Алиса могла попасть в беду, её могли ограбить или...

— Это не просто модный дом, — перебил он, и в его голосе прорычала бездна. — Это витрина. Фасад, за которым стоит «Круг».

— Что за «Круг»?

Он закрыл глаза, словно ему было физически больно проносить это вслух.

— Синдикат. Европейский. Они занимаются тем, что официально не существует. Элитная торговля людьми. Не для борделей, Вера. Для «коллекционеров». Шантаж политиков, отмыwanie крови через искусство, высокую моду и закрытые аукционы, где лотами выступают живые люди. Мой отец... мой отец был их портовым партнёром. Он переправлял их «груз» через Атлантику.

Мир покачнулся. Я смотрела на мужчину, которого любила, на отца моей дочери, и видела, как прошлое, которое он так старательно похоронил, начинает прорастать сквозь асфальт нашей новой жизни ядовитыми шипами.

— Они забрали Алису? — прошептала я.

— Я не знаю, — честно ответил он, и в его глазах плескалась ярость. — Но если они посмели тронуть твою девочку... я разорву Париж на куски.

Он притянул меня к себе, и я уткнулась лицом в его грудь. Я слышала, как бьётся его сердце. Ровно. Сильно. Но я знала: внутри него уже просыпался монстр. И на этот раз я не буду его останавливать.

— Я найду её, Вера, — прошептал он мне в волосы, и это звучало не как обещание, а как смертный приговор. — Клянусь.

Глава 46. Старые долги

Вечером наш дом в Коннектикуте казался слишком тихим.

Это было старое поместье, скрытое от посторонних глаз густым лесом и высокими коваными воротами, которые Макс оснастил системами безопасности, достойными Пентагона. Сейчас Миранда спала в своей комнате под присмотром Элиаса, который из безупречного телохранителя превратился для неё в доброго дядюшку.

Снаружи бушевала осенняя гроза. Дождь хлестал по панорамным окнам кабинета, словно пытаясь разбить стекло и

ворваться внутрь.

Я сидела в кожаном кресле, укутавшись в плед. Макс стоял у камина, в котором трещали дрова. Он не пил виски. Он смотрел на огонь, и в его отражении в стекле я видела чужого, холодного и беспощадного мужчину.

На массивном дубовом столе перед ним лежал конверт. Плотная, почти чёрная бумага. Никакого адреса, никаких марок. Он появился сегодня днём на столе в его благотворительном фонде. Охрана не заметила, кто его принёс. Это означало одно: предатель был внутри периметра. Или враг был настолько силен, что периметра для него не существовало.

Я подошла и взяла конверт. На сургучной печати был изображён сломанный компас, обвитый змеёй.

— Что это? — спросила я, хотя тошнотворный холод уже пополз по венам.

Макс медленно обернулся. В свете огня его лицо казалось высеченным из гранита.

— Это счёт, — сказал он. — Который пришёл с опозданием на десять лет.

Он взял у меня конверт и вскрыл его тонким серебряным ножом. Внутри не было письма. Там лежала лишь одна вещь: старинная серебряная монета, перечёркнутая глубокой царапиной, и полароидный снимок.

Я взяла снимок дрожащими пальцами.

На нём была Алиса. Она сидела на velvet-овом диване в

каком-то роскошном, тёмном помещении. Её глаза были пустыми, зрачки расширены до черноты — её накачали наркотиками. На её шее красовался тяжёлый бриллиантовый чокер, а на лбу чёрным маркером был нарисован круг.

Метка скота.

Рядом с фотографией лежала записка, написанная от руки элегантным, почти каллиграфическим почерком:

«Долги крови не прощаются. Твоя новая жизнь построена на моём фундаменте, Максимилиан. Приходи отдать то, что принадлежит мне. Гала-вечер фонда Карнеги. Суббота. Джулиан».

— Джулиан Валериус, — произнёс Макс, словно пробуя это имя на вкус. Оно вызывало у него отвращение, смешанное с животной ненавистью. — Глава «Круга». Человек, которого мой отец называл «Императором». Он не просто модельер, Вера. Он поставщик элитных «игрушек» для шейхов, олигархов и коронованных особ.

— Чего он хочет? — мой голос дрогнул, но я заставила себя смотреть на снимок, запоминая каждую деталь комнаты, где держали мою девочку.

Макс подошёл ко мне и опустился на колени перед моим креслом, чтобы наши лица были на одном уровне. Его руки легли мне на колени, большие пальцы осторожно поглаживали ткань моего платья там, где округлился живот.

— Когда мой отец умирал, — начал он тихо, глядя мне прямо в глаза, — он был должен Валериусу огромную услугу.

Не деньги. «Круг» никогда не берёт деньги, когда ему нужна власть. Отец пообещал, что когда я займу его место, я открою для них порты Нью-Йорка. Я стану их щитом и мечом в Америке. Я должен был стать их «чистильщиком».

— Но ты уничтожил империю отца, — сказала я, касаясь его щеки.

— Именно. Я сжёг её дотла. Легализовал всё, что можно, а остальное отдал властям, подставив старых капо. Я думал, что вместе с империей сгорел и этот долг.

Он горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли, что у меня сжалось сердце.

— Но Валериус так не считает. Он думает, что я украл у него то, что принадлежит ему по праву. Мою душу. Мои ресурсы. И теперь он решил забрать это сам. Алиса — это не просто похищение. Это демонстрация силы. Он показывает, что может дотянуться до тех, кого ты любишь. До тех, кого ты защищаешь. Он знает, что ты — моё сердце, Вера. А бить по сердцу всегда эффективнее, чем бить по голове.

Я накрыла его ладони своими. Его пальцы были ледяными.

— Что мы будем делать? Полиция? ФБР?

Макс поднял на меня глаза. В них больше не было усталости. В них горел холодный, расчётливый свет человека, который слишком долго играл в мирного филантропа и почти забыл, каково это — выживать в мире, где правят клыки.

— Полиция бессильна. У Валериуса в кармане половина

Интерпола и три сенатора. Если мы пойдём законным путём, Алису найдут через неделю в канаве, а тебя объявят сумасшедшей.

Он поднялся, притянул меня за талию и прижал к себе. Я почувствовала, как его губы коснулись моей шеи, оставляя горячий, собственнический след.

— Завтра вечером фонд Карнеги проводит благотворительный бал. Валериус будет там. Он хочет посмотреть мне в глаза, когда будет наносить удар. Он хочет, чтобы я склонил голову и признал его власть.

— И ты пойдёшь?

— Я пойду. Но не один.

Он отстранился, чтобы посмотреть мне в глаза. Его рука скользнула по моему животу, защищая ту жизнь, что росла внутри меня, и ту, что уже бегала по дому, смеясь.

— Он думает, что моя семья — это моя уязвимость. Что вы с Мирандой делаете меня слабым. Что я стал ручным. Но он ошибается. Вы — единственная причина, по которой я готов сжечь этот мир дотла, если кто-то посмеет вас тронуть.

У меня перехватило дыхание. В его словах была та самая пугающая, безграничная преданность, которая когда-то заставила меня бежать от него, а теперь была моим единственным щитом.

— Я надена красное, — сказала я твёрдо, и мой голос не дрогнул. — То самое платье, с открытой спиной и шлейфом. Пусть смотрят. Пусть видят, кто стоит рядом с тобой.

Макс улыбнулся. Это была улыбка хищника, который только что нашел свой повод для убийства.

— Идеально. А теперь иди к Миранде. Проверь замки. Я должен сделать несколько звонков людям, которым я запретил себе звонить последние два года.

В ту ночь мы не спали. Мы говорили языком прикосновенный, доказывая друг другу, что мы живы, что мы вместе. Но где-то на краю сознания, в самой тёмной его части, я знала: завтра Нью-Йорк снова станет полем боя. И на этот раз я не буду прятаться за спиной Макса. Я буду стоять с ним в одном строю, и горе тому, кто встанет на нашем пути.

Глава 47. Улыбка хищника

Благотворительный гала-вечер фонда Карнеги был событием, где цена одного билета равнялась стоимости дома в пригороде, а цена одной неосторожной фразы могла стоить карьеры. Зал был залит золотым светом хрустальных люстр, воздух был тяжёл от ароматов нишевых духов, дорогого шампанского и лицемерия.

Я стояла на вершине мраморной лестницы, опираясь на руку Макса.

На мне было платье цвета свернувшейся крови — тёмно-бордовый шёлк, который струился по фигуре, скрывая округлившийся живот, но подчёркивая грудь и плечи. Глубокий вырез на спине оставлял кожу обнажённой, а на шее блестело единственное украшение — сапфировый кулон, подаренный Максом. Я чувствовала себя не гостьей, а короле-

вой, идущей на эшафот.

Макс был безупречен в чёрном смокинге. Но я видела то, чего не видели другие. Я видела, как напряжены его плечи, как его взгляд, холодный и цепкий, сканирует толпу, оценивая угрозы. Под его пиджаком, в специальной кобуре, покоился тяжёлый пистолет. Он нарушил собственное обещание жить без оружия. Ради меня. Ради Алисы.

— Ты прекрасна, — тихо сказал он, наклоняясь к моему уху. Его дыхание обожгло кожу. — И смертоносна.

— Я чувствую себя приманкой, — ответила я, сжимая его предплечье.

— Нет. Ты — мой якорь. Без тебя я бы уже начал резать глотки прямо в фойе.

Мы спустились. Толпа расступалась перед Максом, словно перед Моисеем. Люди, которые два года назад шептались о нём как о мафиози, теперь улыбались ему, тянули руки, желая прикоснуться к «исправившемуся миллиардеру». Макс кивал, пожимал руки, но его глаза оставались мёртвыми.

И тогда я увидела его.

Джулиан Валериус стоял у стены, окружённый свитой из моделей с пустыми глазами и мужчин в дорогих костюмах. Ему было около сорока, но его лицо казалось лишённым возраста — гладкое, бледное, с идеально уложенными тёмными волосами. Он был красив той тошнотворной, фарфоровой красотой, которая свойственна ядовитым насекомым.

Когда мы подошли, он обернулся. Его глаза были свет-

ло-серыми, почти прозрачными. В них не было ни души, ни эмоций. Только расчёт.

— Максимилиан, — его голос был мягким, с лёгким французским акцентом, и от этого звука у меня по коже поползли мурашки. — Сколько лет, сколько зим. Ты выглядишь... одомашненным.

— Джулиан, — ответил Макс. Его голос был тише шёпота, но перекрывал гул толпы. — Ты выглядишь так, будто только что вышел из морга. Ошибка гримёра?

Валериус рассмеялся. Тихо, сухо.

— Острый язык. Твой отец ценил во мне это качество. А вот твою... жену... он бы, наверное, продал на аукционе в Дубае.

Джулиан перевёл на меня свой стеклянный взгляд. Он не смотрел на меня как на женщину. Он смотрел на меня как на породистую кобылу, оценивая статью, зубы и способность к воспроизводству.

— Вера Крылова, — произнёс он, делая шаг ближе. От него пахло удом, кожей и чем-то сладковатым, похожим на запах гниющих орхидей. — Я видел ваши фотографии. Потрясающая структура кости. И, как я слышу, вы уже доказали свою фертильность?

Макс сделал шаг вперёд, заслоняя меня собой. Воздух между ними наэлектризовался до такой степени, что, казалось, ещё секунда — и вспыхнет огонь.

— Ещё одно слово о моей жене, Джулиан, — произнёс

Макс, и его голос звучал как скрежет металла по стеклу, — и я забуду, что мы в приличном обществе. Я вырву тебе язык и скормлю твоей же собаке.

Валериус даже не моргнул. Улыбка на его лице стала шире, обнажая идеально белые зубы.

— Такой горячий. Всё тот же дикий зверь, просто в более дорогой клетке. Ты думаешь, Максимилиан, что, надев смокинг и раздав деньги сиротам, ты смыл с себя грязь? Ты принадлежишь «Кругу». Твоя кровь, твои порты, твоя ярость — всё это моё.

Он медленно поднял руку и, прежде чем Макс успел его остановить, кончиком пальца коснулся моего живота.

Я замерла. От его прикосновения меня пробил такой ужас, такой первобытный отвратительный холод, что я едва не ударила его.

— Два сердца бьются внутри тебя, Вера, — прошептал Джулиан, глядя мне в глаза. — Как жаль, что в нашем мире всё имеет свою цену. Твой муж задолжал мне империю. Если он не вернёт долг до новолуния... боюсь, маленький Де Сантис так и не увидит этот мир. А твоя прелестная Алиса... она сейчас очень популярна среди моих ближневосточных клиентов. Они любят, когда русские девочки плачут. Это добавляет экзотики.

Я не отвела глаз. Я заставила себя смотреть в его мёртвые зрачки, собирая всю свою ярость, всю свою материнскую ярость, всю боль моих девушек, которых перемалывала эта

индустрия.

— Вы совершаете ошибку, месье Валериус, — сказала я чётко, и мой голос прозвучал звонко, как удар хлыста. — Вы думаете, что Макс — чудовище, потому что он был им в прошлом. Но вы не понимаете главного.

Джулиан приподнял бровь.

— И чего же?

— Чудовище не знает пощады. А мужчина, который защищает свою беременную жену и своего ребёнка... он не знает границ. Вы не тронули его бизнес. Вы тронули его семью.

Я наклонилась чуть ближе, игнорируя то, как напрягся Макс, готовый схватить меня и унести.

— Молитесь своему сломанному компасу, Джулиан. Потому что когда Макс придёт за вами, он не будет вести переговоры. Он просто закроет за вами дверь склепа.

Валериус перестал улыбаться. В его глазах на долю секунды мелькнуло что-то, похожее на удивление, а затем — на настоящую, животную злобу. Он опустил руку.

— Наслаждайтесь вечером, мистер и миссис Де Сантис, — процедил он. — Наслаждайтесь шампанским. Оно скоро скиснет.

Он развернулся и растворился в толпе, словно призрак.

Макс схватил меня за руку. Его пальцы сжимали моё запястье так сильно, что было больно, но я не отстранилась.

— Уходим, — бросил он.

Мы шли к выходу, и я чувствовала на себе десятки взгля-

дов. Но мне было всё равно. Война была объявлена. Не в тенях, не через посредников. Прямо здесь, под хрустальными люстрами, среди звона бокалов.

В машине, как только тонированные стёкла отрезали нас от мира, Макс ударил кулаком по перегородке, отделяющей нас от водителя. Стекло пошло паутиной трещин.

— Он коснулся тебя, — выдохнул Макс, и его голос срывался от бешенства. — Он посмел коснуться тебя.

— Макс, посмотри на меня, — я взяла его лицо в ладони, заставляя встретить мой взгляд. — Я в порядке. Ребёнок в порядке. Но Алиса там. В Париже.

Он закрыл глаза, прижимаясь лбом к моему лбу. Я чувствовала, как он дрожит. Не от страха. От сдерживаемой, колоссальной ярости, которая могла разрушить города.

— Я верну её, Вера. Клянусь жизнью.

— Я знаю, — прошептала я, целуя его в висок, чувствуя вкус его пота и соли. — Но мы сделаем это вместе. Ты больше не один в своей тьме, Максимилиан. Я иду с тобой. И горе им всем.

Глава 48. Тревога

Здание федерального бюро на Манхэттене возвышалось серым глыбистым параллелепипедом.

Свет люминесцентных ламп беспощадно выхватывал каждую морщинку на лице специального агента Миллера. Он сидел за своим захламленным столом, лениво перекла-

дывая бумаги, и смотрел на нас так, будто мы были досадной помехой в его перерыве на обед.

— Миссис Де Сантис, — протянул он, даже не удосужившись открыть папку, которую я положила перед ним. — Я понимаю ваши эмоции. Вы руководите агентством, вы чувствуете ответственность за этих... девочек. Но давайте смотреть правде в глаза. Алисе девятнадцать. Она совершеннолетняя. Она не явилась на рейс, ее телефон выключен. В Европе, особенно в Париже, полно клубов, где молодые модели зарабатывают гораздо больше, чем на подиуме. Скорее всего, она просто сбежала с каким-нибудь французским промоутером.

Я чувствовала, как внутри меня закипает ледяная, слепая ярость. Моя ладонь инстинктивно легла на живот, защищая ту маленькую жизнь, что росла внутри.

— Она сирота, агент Миллер. У нее на иждивении больная бабушка. Она копила на ее операцию каждый цент. Она бы скорее отрезала себе руку, чем пропустила кастинг, который мог бы оплатить лечение. И контракт с «Valerius»...

— Мы проверили «Maison Valerius», — перебил Миллер с кривой ухмылкой. — Это легальный, элитный модный дом. Они платят налоги, спонсируют Лувр и подают в суд на каждого, кто посмеет обвинить их в нарушении этики. У нас нет никаких оснований для ордера на обыск или международного запроса. Дело закрыто, миссис Де Сантис. Идите домой, пейте витамины и не тратьте время налогоплательщиков.

Я хотела кричать. Я хотела перевернуть его стол, схватить его за галстук и заставить посмотреть на фотографию Алисы с черной меткой на лбу. Но я знала, что в этой стране закон работает только для тех, у кого нет врагов с бездонными кошельками.

И тогда в дело вступил Макс.

До этого момента он стоял у стены, скрестив руки на груди. Казалось, он просто сопровождает меня, позволяя мне вести разговор. Но когда Миллер усмехнулся, воздух в кабинете внезапно стал разреженным, словно перед ударом молнии.

Макс сделал шаг вперед. Он не повысил голос. Ему не нужно было кричать, чтобы заставить комнату содрогнуться.

— Агент Миллер, — произнес он тихо, и этот звук был похож на скрежет надгробной плиты. — Вы знаете, кто я?

Миллер нахмурился, его самоуверенность дала трещину.

— Мистер Де Сантис. Бизнесмен, филантроп. И человек, который недавно легализовал свой... семейный траст.

— Именно, — кивнул Макс, опираясь ладонями о край стола и нависая над копом. — Я легализовал бизнес. Я отдал порты, логистику и недвижимость белым фондам. Но вы, видимо, забыли одну деталь. Люди, которые работали на мой траст, никуда не делись. Они просто сменили костюмы на тактическую форму.

Макс наклонился ближе. Я видела, как зрачки агента расширились от первобытного ужаса.

— У вас есть ровно двенадцать часов, чтобы найти, кто из вашего начальства получает переводы с офшоров, принадлежащих Джулиану Валериусу. Если через двенадцать часов дело не будет возобновлено, я перестану играть в законопослушного гражданина. И тогда я приду не с жалобой, агент Миллер. Я приду с бензином и спичками. И первой искрой станете вы.

Макс выпрямился, взял меня за руку и повел к выходу. Миллер сидел, бледный как смерть, не смея даже выдохнуть.

В бронированном SUV, когда тонированные стекла отрезали нас от шума города, повисла тяжелая, свинцовая тишина.

Я смотрела на профиль своего мужа. Челюсть была стиснута так сильно, что желваки ходили ходуном. В его глазах больше не было того теплого света, который появлялся, когда он смотрел на меня или на Миранду. Там плескалась черная, бездонная бездна. Тьма, которую он так старательно запечатывал последние два года.

— Они все куплены, — тихо сказала я, глядя, как капли начинающегося дождя стекают по стеклу. — Полиция, ФБР, иммиграционные службы. Валериус пустил корни слишком глубоко.

— Я знаю, — отозвался Макс. Его голос был лишен эмоций. Это был голос человека, который принимает стратегические решения перед бойней.

— Что мы будем делать?

Он медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по моему лицу, опустился к животу, и на долю секунды в его глазах мелькнула агония. Агония человека, который понимает, что ради защиты самого святого ему придется снова спуститься в ад.

— Закон здесь бессилен, Вера. Валериус играет по правилам «Круга». А у «Круга» нет правил.

Он достал из внутреннего кармана пиджака телефон. Не его обычный смартфон, а старый, потертый аппарат с защищенной линией. Тот самый, который лежал в сейфе в нашем подвале два года. Тот, который он поклялся никогда не включать.

— Макс... — прошептала я, касаясь его колена. — Ты обещал. Ты сказал, что мы оставим это позади.

— Я обещал защитить тебя, — хрипло ответил он, не глядя на меня. Его палец замер над кнопкой вызова. — Я обещал, что наши дети будут расти в мире, где им не будут угрожать. Но чтобы убить дракона, Вера, нужно самому стать чудовищем.

Он нажал кнопку вызова.

— Салазар, — произнес он в трубку. Имя человека, который когда-то был его врагом, а теперь стал единственным ключом к теневому миру Нью-Йорка. — Собери старых. Встреча в порту. Через час. Война началась.

Он бросил телефон на сиденье и закрыл лицо руками. Я придвинулась ближе, обняла его за плечи и прижалась щекой

к его спине. Я чувствовала, как дрожит его тело. Не от страха. От ярости, которую он сдерживал, чтобы не разорвать этот город голыми руками.

— Я с тобой, — прошептала я ему в шею, вдыхая знакомый запах сандала и пороха. — Мы спустились в ад вместе. И вместе мы его сожжем.

Глава 49. Первая кровь

Офис «Второй главы» был моим убежищем. Я создала его как крепость из света и надежды, где сломанные девочки могли почувствовать себя в безопасности. Белые стены, панорамные окна, мягкие диваны и запах свежих лилий.

Но сегодня лилии пахли похоронами.

Было около пяти вечера. Золотой час. Солнце слепило глаза, отражаясь от стеклянных перегородок. Я сидела в переговорной с тремя новыми девушками, обсуждая условия их контрактов. Нора была на ресепшене. Элиас, мой верный Элиас, стоял у входа, неприметный, как тень, но я знала, что под его пиджаком скрыт арсенал.

Первым пропал звук.

Словно кто-то выдернул шнур из розетки всего мира. Гул города за окном исчез. Связь на телефонах оборвалась одновременно у всех четырех девушек в комнате.

Элиас мгновенно изменился. Из расслабленного дядюшки он превратился в машину для убийств. Он выхватил оружие и одним движением опрокинул тяжелый дубовый стол, создавая баррикаду.

— На пол! — рывкнул он. — Всем на пол, за стол!

Я не закричала. Страх, который парализует обычных людей, во мне давно выгорел, уступив место холодной, материнской ярости. Я схватила девочек за руки и потащила их вниз, накрывая своим телом. Моя ладонь снова легла на живот. Только не сейчас. Пожалуйста, только не сейчас.

Стеклянные двери офиса взорвались внутрь.

Это были не уличные бандиты. Это были профессионалы. Четверо мужчин в черной тактической одежде, с глушителями на стволах и тепловизорами. Они двигались бесшумно, методично зачищая пространство.

— Где Крылова? — раздался искаженный голос.

Я услышала звук шагов Норы.

— Ее здесь нет, — дрожащим голосом солгала моя помощница.

Раздался глухой хлопок. И звук падающего тела.

— Нора! — вырвалось у одной из девочек.

— Тихо! — прошипела я, зажимая ей рот ладонью. Сердце колотилось так, что звенело в ушах. Кровь. Я чувствовала медный запах крови, просачивающийся сквозь щели в полу.

Элиас открыл огонь. Звук его выстрелов без глушителя был оглушительным в замкнутом пространстве. Стекла посыпались дождем. Один из нападавших упал, но двое других мгновенно перестроились, заходя Элиасу во фланг. Я видела, как пули крошат штукатурку над нашими головами. Элиас был ранен — я видела, как он схватился за плечо, но про-

должал стрелять, прикрывая дверь в нашу комнату.

Они знали, где мы. Они пришли не за деньгами. Они пришли за мной. За «слабостью» Макса Де Сантиса.

Внезапно снаружи раздался звук, от которого задрожали стекла. Не выстрелы. Рев моторов и скрежет металла.

Двери офиса, то, что от них осталось, разлетелись в щепки.

В комнату ворвался он.

Макс не был похож на миллиардера. Он был похож на бога войны, сошедшего с полотен Караваджо. В руках у него был укороченный автомат, на лице — маска абсолютного, леденящего душу хладнокровия. За его спиной врывались его люди — те самые «тени», о которых он говорил в машине.

Бой длился секунды. Но эти секунды отпечатались в моей памяти навсегда.

Макс двигался с пугающей грацией. Он не прятался. Он шел напролом, стреляя короткими, точными очередями. Один из наемников попытался взять меня на прицел, но Макс оказался быстрее. Он выронил автомат, выхватил тяжелый пистолет и выстрелил мужчине в колено, а когда тот упал — в голову.

Без колебаний. Без жалости.

Когда последний нападавший замер в луже крови, в офисе воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь всхлипываниями перепуганных девочек и sireнами полиции, при-

ближавшимися где-то вдалеке.

Макс бросил оружие и рванул ко мне. Он упал на колени, его руки, покрытые чужой кровью, дрожали, когда он касался моего лица, плеч, живота.

— Вера... Вера, ты цела? Тебя не задело? Скажи мне, что ты цела! — его голос срывался, в нем звучал такой неподдельный ужас, что у меня на глаза навернулись слезы.

— Я в порядке, Макс. Мы в порядке, — я схватила его лицо в свои ладони, не боясь испачкаться кровью. — Нора... Макс, они застрелили Нору.

Он на секунду закрыл глаза, и по его лицу прошла тень боли. Нора была с нами с самого начала.

— Мои люди уже вызывают для нее медиков. Скрытых. Ее спасут, я клянусь. Но нам нужно уходить. Сейчас же. Полиция приедет, и они не будут разбираться, кто из нас хороший.

Он подхватил меня на руки, словно я ничего не весила, и вынес из офиса, прочь от разбитого стекла и белого мрамора, который навсегда был испорчен красными пятнами.

В машине я смотрела на его профиль. На его белой рубашке алели брызги. Он только что убил троих людей, даже не моргнув. И я поняла страшную вещь: я не боялась его. Я боялась только того, что этот мир заставит его убивать снова и снова.

— Они напали на мой дом, Макс, — тихо сказала я, глядя, как городские огни размываются в дожде. — Они пришли за

моими девочками.

Макс медленно повернул ко мне голову. В его глазах больше не было ничего человеческого. Только обещание массового уничтожения.

— Они перешли черту, Вера. Они думали, что твоя доброта делает тебя уязвимой.

Он сжал кулак так, что побелели костяшки.

— Завтра они узнают, что значит будить чудовище.

Глава 50. Маска чудовища

Бруклинский морской порт ночью казался кладбищем гигантов.

Ржавые краны, похожие на скелеты доисторических животных, вздымались в черное небо. Воздух был густым от запаха соли, мазута, гниющих водорослей и ржавчины. Дождь моросил, превращая асфальт в черное зеркало.

Макс настаивал, чтобы я осталась в бронированном форпосте. Но я отказалась. Я была его женой, матерью его детей и королевой его империи. Я не собиралась прятаться в клетке, пока мой король спускался в преисподнюю.

Мы шли по мокрому пирсу. Элиас, с перевязанным плечом, и еще четверо громил из старой гвардии Де Сантисов шли позади, держа оружие наготове. Макс шел впереди. На нем было длинное черное пальто, воротник поднят. В этом антураже, среди контейнеров, он выглядел не как бизнесмен, а как мафиозный дон, каким его описывали городские легенды. Тем, кого боялись даже картельные боссы.

В конце пирса, под навесом из рифленого железа, нас ждали.

Трое мужчин. В центре стоял Карстен — старый контрабандист, человек, который знал каждую крысу в этом порту и каждую дыру в границе. У него не было левого уха, а лицо пересекал шрам от ножа.

— Максимилиан, — просипел Карстен, сплевывая на асфальт. — Давно ты не заглядывал на дно. Слышал, ты стал паинькой. Раздаешь суп бездомным.

Макс остановился в трех шагах от него.

— Мне нужна информация, Карстен. Где Валериус держит «груз» перед отправкой в Европу?

Карстен рассмеялся, обнажив золотые зубы.

— «Круг»? Ты шутишь, парень? Валериус платит золотом и кровью. Если я заговорю, меня найдут по кусочкам в Гудзоне. Твои бумажки и твои фонды здесь не работают. Иди домой к своей русской куколке, пока тебе яйца не отрезали.

Я стояла чуть позади Макса, и видела, как изменилась его осанка. Он стал абсолютно неподвижным.

— Элиас, — тихо сказал Макс.

Элиас шагнул вперед, схватил Карстена за шиворот и с силой швырнул его на металлический стол, за которым сидели контрабандисты. Двое охранников Карстена дернулись к кобурам, но люди Макса мгновенно приставили стволы к их вискам. Застыли.

Макс не спеша подошел к столу. Он достал из кармана тя-

желый серебряный портсигар, открыл его, но закуривать не стал. Вместо этого он взял со стола ржавый молоток, который лежал рядом с какими-то деталями.

— Я не бизнесмен, Карстен, — произнес Макс голосом, от которого у меня по спине пробежал ледяной ток. — И я не паинька. Я человек, у которого сегодня стреляли в беременную жену.

Карстен попытался вырваться, но Элиас намертво прижал его руку к столу.

— Макс, клянусь, я не знаю...

Макс занес молоток и ударил.

Звук ломающихся костей был сухим и тошнотворным. Карстен завыл, захлебываясь слюной и матом. Его пальцы превратились в бесформенную массу.

Я не отвела взгляд. Я заставила себя смотреть. Мне нужно было видеть это. Мне нужно было помнить, какую цену платит мой муж за наше спокойствие. Он брал грех на себя, чтобы мои руки оставались чистыми.

— У Валериуса есть перевалочный пункт, — прохрипел Карстен, корчась от боли. — Старая скотобойня в Куинсе. Около мясокомбината. Там держат девчонок перед тем, как погрузить в контейнеры с маркировкой медицинского оборудования. Отправка завтра в полночь.

— Охрана? — спросил Макс, бросая молоток на бетон.

— Человек двадцать. Тяжелое вооружение. Это крепость, Де Сантис. Ты туда не сунешься.

Макс наклонился к самому лицу контрабандиста.

— Я не просто сунусь, Карстен. Я сотру это место с лица земли. А если ты скажешь хоть слово об этом кому-то еще... я вернусь. И в следующий раз молоток будет для твоей головы.

Макс развернулся и пошел обратно к машинам. Он прошел мимо меня, и я увидела, как дрожат его руки. Не от страха. От переизбытка адреналина и ярости, которую он едва сдерживал.

Я догнала его у двери автомобиля и взяла его за руку. Его пальцы были холодными, покрытыми чужой грязью и кровью.

— Ты получил то, что хотел, — тихо сказала я.

Он посмотрел на меня, и в его глазах плескался страх. Страх, что я увижу в нем монстра и отвернусь.

— Прости, что ты это видела, Вера. Я не хотел...

Я прервала его, встав на цыпочки и крепко поцеловав его в губы. На вкус он был как дождь, металл и безумие.

— Ты — мой монстр, Максимилиан Де Сантис, — прошептала я ему в рот. — И горе тем, кто встанет между тобой и твоей семьей. Завтра мы заберем Алису домой. А Валериус захлебнется собственной кровью.

Макс закрыл глаза, прижимая меня к себе так сильно, что у меня перехватило дыхание. В его объятиях, посреди гниющего порта, под черным нью-йоркским небом, мы были двумя половинками одного клинка. Готового упасть на шею вра-

га.

Глава 51. Двойная игра

Подземный бункер под поместьем Макса расположен вдали от глаз Миранды и уютного тепла нашего дома. И здесь готовилась война.

На огромном интерактивном столе светилась трёхмерная карта Парижа. Красные точки пульсировали в местах, где были замечены люди Валериуса. Макс стоял над столом, опираясь на него руками. Его рубашка была расстёгнута на груди, рукава закатаны, открывая шрамы, которые он обычно прятал. Он выглядел как архангел, готовый обрушить на город серный дождь.

— Я лечу в Париж, Макс, — сказала я. Мой голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от адреналина.

Он медленно поднял голову. В его глазах не было злости. Было нечто гораздо более страшное — абсолютный, леденящий душу ужас, замаскированный под ярость.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— Вера, ты беременна! — его голос сорвался на рык, от которого задрожали стальные стеллажи с оружием. — Ты носишь моего ребёнка! Ты думаешь, я позволю тебе войти в логово к маньяку, который коллекционирует живых людей? Я сам разорву его глотку. Я сожгу его «Maison Valerius» дотла вместе с ним внутри!

— И Алиса сгорит вместе с ним! — крикнула я, подходя к нему вплотную. Я не боялась его ярости. Я знала, что за ней скрывается. — Ты думаешь, он просто держит её в подвале? Джулиан — эстет. Он устроит закрытый аукцион во время Недели высокой моды. Если ты начнёшь штурм, она исчезнет. Или хуже — станет «лотом», который продадут в закрытые гаремы шейхов ещё до того, как твои люди взломают двери.

Макс сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Я не могу рисковать тобой. Ты — моё сердце, Вера. Если он тебя тронет... я уничтожу этот мир. Я клянусь, я не оставлю камня на камне.

Я протянула руку и коснулась его напряжённой челюсти. Он замер, закрыв глаза, словно моё прикосновение было единственным, что удерживало его от безумия.

— Я не собираюсь быть жертвой, Макс. И я не собираюсь прятаться за твоей спиной, пока ты играешь в бога войны. Я — глава агентства. Я знаю, как мыслит эта индустрия. Валериусу нужна сенсация. Ему нужна «русская королева», которая сломается перед ним.

Я сделала паузу, глядя ему прямо в глаза.

— Я позвоню Люсьену. Я скажу, что Алиса была лишь пробным шаром, что она не выдержала давления и сбежала. И что я, Вера Де Сантис, лично готова закрыть контракт и выйти на подиум для его закрытого показа.

Макс открыл глаза. В них плескался первобытный страх.

— Ты хочешь стать приманкой.

— Я хочу стать троянским конём, — поправила я. — Я зайду внутрь. Я найду Алису. Я надену на себя трекер, микрофон, всё, что ты скажешь. Но я должна быть внутри, Макс. Иначе мы её потеряем.

Он молчал долгую, мучительную минуту. Воздух между нами был натянут, как струна. Затем он резко притянул меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы. Его дыхание было горячим и рваным.

— Если он посмотрит на тебя не так... если он посмеет дышать в твою сторону... я не буду ждать сигнала, Вера. Я войду и убью всех.

— Я знаю, — прошептала я, обнимая его за шею. — Именно на это я и рассчитываю.

Через час я сидела в звукоизолированной комнате и набирала номер Люсьена.

Когда на другом конце ответили, мой голос был холодным, как лёд на Гудзоне. Я играла роль избалованной, высокомерной жены мафиози, которой надоели капризы молодых моделей.

— Алиса — разочарование, — сказала я в трубку, лениво рассматривая свои ногти. — Она слабая. Месье Валериус ищет красоту, способную выдержать боль. Я предлагаю себя. Завтра я буду в Париже. Подготовьте контракт. И скажите Джулиану... пусть готовит свой лучший подиум.

Трубка замолчала. А затем раздался тихий, сухой смешок

Люсьена.

— Месье Валериус будет в восторге, мадам Де Сантис. Добро пожаловать в высший свет.

Я бросила телефон на стол и посмотрела на Макса, стоявшего в дверях с арсеналом в руках.

Игра началась.

Глава 52. Шёпот Габриэллы

Габриэлла появилась в нашем безопасном доме через два часа после моего звонка.

Она не пришла через парадный вход. Она вышла из теней зимнего сада, словно призрак в кашемировом пальто цвета запёкшейся крови. За те два года, что мы не виделись, она изменилась. Исчезла напускная высокомерность светской львицы. Её лицо стало жёстче, черты заострились, а в глазах горел тёмный, мстительный огонь.

Элиас, стоявший у двери, напрягся, но Макс едва заметным жестом приказал ему опустить оружие.

— Ты знала, что я приду, — сказала Габриэлла, снимая кожаные перчатки. Её взгляд скользнул по моему округлившемуся животу, и в её глазах мелькнула сложная смесь зависти, боли и уважения. — У тебя храбрость, Вера. Или полное отсутствие инстинкта самосохранения.

— Зачем ты здесь, Габриэлла? — спросила я, не вставая с дивана.

Она подошла к столу и бросила на него тонкую чёрную папку.

— Потому что Джулиан Валериус — это не просто монстр. Это архитектор ада. И если вы пойдёте туда вслепую, Макс вернётся домой с твоими пальцами в бархатной коробочке.

Макс шагнул вперёд, его тень накрыла её.

— Говори по делу. Или я прикажу Элиасу вывести тебя в лес.

Габриэлла даже не вздрогнула. Она смотрела только на меня.

— У Валериуса есть шато в сорока минутах от Парижа. Château de l'Ombre. Замок Теней. Официально это виноградник и закрытый спа-салон для элиты. Но под ним есть катакомбы. Там он проводит свои «кастинги».

Я открыла папку. Внутри были чертежи, схемы вентиляции и фотографии, от которых у меня похолодело в груди. Стекланные капсулы. Девушки, застывшие в неестественных позах, подключённые к капельницам.

— Он называет это «Стекланной оранжереей», — тихо сказала Габриэлла. — Он накачивает их паралитиками, чтобы они не могли двигаться, но чувствовали всё. Они стоят там, как манекены, пока покупатели выбирают. Алиса там. И если ты выйдешь на подиум, ты окажешься в соседней капсуле.

Я сглотнула ком, подступивший к горлу. Тошнота, вызванная токсикозом, смешалась с первобытным ужасом.

— Откуда ты это знаешь? — хрипло спросил Макс.

Габриэлла горько усмехнулась.

— Потому что пять лет назад моя младшая сестра уехала на стажировку в «Valerius». Нам сказали, что она погибла в автокатастрофе в Провансе. Закрытый гроб. Но год назад... я нашла её. В одной из таких капсул в Дубае. Она была жива, Макс. Но её разум был стёрт.

В комнате повисла тишина, такая тяжёлая, что звенело в ушах. Я смотрела на женщину, которую когда-то считала своим главным врагом, и видела в ней своё отражение. Мать, сестру, женщину, готовую рвать глотки за своих родных.

— Зачем ты помогаешь нам? — спросила я.

Габриэлла подошла ко мне и протянула маленькую шка-тулку. Внутри лежал массивный бриллиантовый браслет и кольцо с чёрным камнем.

— Браслет — это глушилка биометрических сканеров и трекер, который не засечёт ни один металлоискатель Вале-риуса. Кольцо... — она запнулась, — ...в камне микро-игла с нервно-паралитическим токсином. Действует через три се-кунды после укола. Смертельно. Но боли не будет.

Я подняла на неё глаза.

— Это для меня? Чтобы я не досталась ему живой?

— Это для него, — жёстко ответила Габриэлла. — Если он подойдёт слишком близко. Вера, я ненавидела тебя. Нена-видела за то, что ты получила то, чего я не смогла удержать. Но теперь... я вижу, что ты — единственная, кто способен сжечь его империю. Сделай это за мою сестру.

Она повернулась и пошла к двери.

— Габриэлла, — окликнула я её.

Она остановилась.

— Спасибо.

Она не обернулась, но я увидела, как дрогнули её плечи.

— Не благодари. Просто убей его.

Глава 53. Отъезд

Прощание с Мирандой было самым тяжёлым испытанием за всю мою жизнь.

Она стояла в прихожей, сжимая в руках плюшевого медведя, и смотрела на меня своими огромными, тёмными глазами — точной копией глаз Макса.

— Мама, ты едешь на работу? — спросила она, хлюпая носом.

Я опустилась перед ней на колени, стараясь, чтобы она не заметила, как дрожат мои руки. Я прижала её к себе, вдыхая запах её детских волос, пахнувших шампунем и ванилью. В этот момент я хотела остаться. Запереть двери, забыть про Алису, про «Круг», про всё на свете.

— Да, малышка. Маме нужно помочь одной девочке, которая потерялась.

Миранда кивнула и сунула мне в руку маленькую, смятую бумажку.

— Это для неё. Чтобы она не боялась в темноте. Я нарисовала солнце.

Я сжала рисунок так, будто он был щитом из валирийской

стали.

— Спасибо, солнышко. Я вернусь. Обещаю.

Элиас стоял за её спиной, огромный и непроницаемый, как скала. Он кивнул Макс. Поместье было превращено в неприступную крепость. Здесь Миранда была в большей безопасности, чем в бункере Пентагона.

Частный самолёт Макса рассекал ночную тьму над Атлантикой.

В салоне был приглушённый янтарный свет. Чемоданы с «коллекциями» и тактическим снаряжением были спрятаны в грузовом отсеке. Мы сидели в глубоких кожаных креслах друг напротив друга.

Макс не спал. Он разбирал и собирал компактный пистолет, его движения были быстрыми, механическими. Но я видела, как напряжены его плечи. Страх за меня разъедал его изнутри, превращая в натянутую пружину.

Я встала, подошла к нему и мягко отобрала оружие, положив его на столик. Затем я села к нему на колени, обвив руками его шею.

— Макс...

Он закрыл глаза, уткнувшись лицом мне в живот. Его большие ладони легли на мою талию, словно пытаюсь защитить двоих нас от всего мира.

— Я не могу дышать, Вера, — прошептал он хрипло. — Каждая секунда, которая приближает нас к Парижу, feels like a knife (ощущается как нож).

— Посмотри на меня, — я взяла его лицо в ладони, заставляя поднять глаза. В них была бездна. — Мы не летим на смерть. Мы летим на охоту. Ты — хищник, Макс. А я — твоя королева. Мы заберём нашу девочку и оставим Валериуса в руинах.

Его взгляд потемнел. Страх начал плавиться, уступая место той самой тёмной, всепоглощающей страсти, которая связывала нас крепче любых цепей.

— Ты сводишь меня с ума, — выдохнул он, и его губы накрыли мои.

Поцелуй был жадным, отчаянным, со вкусом соли и адреналина. Мы целовались так, словно это был наш последний час, словно мы пытались вдохнуть друг в друга жизнь перед прыжком в бездну. Его руки скользнули по моей спине, притягивая ближе, стирая пространство между нами.

Здесь, на высоте десяти тысяч метров, в изолированной капсуле над океаном, мы создавали свой собственный мир. Мир, где не было синдикатов, аукционов и стеклянных клеток. Были только мы.

— Я люблю тебя, — шептал он мне в шею, оставляя горячие следы на коже. — Если что-то пойдёт не так... знай, что ты была единственным светом в моей проклятой жизни.

— Заткнись, Де Сантис, — прошептала я, запуская пальцы в его волосы. — Мы не умрём. Мы слишком злы для этого.

К утру самолёт начал снижаться.

Я смотрела в иллюминатор. Париж встречал нас свинцовым небом и мелким, морозящим дождём. Эйфелева башня вдалеке казалась не символом романтики, а гигантским стальным скелетом, пронзающим брюхо туч.

Внизу, на взлётной полосе аэропорта Ле Бурже, нас уже ждали. Два чёрных бронированных Maybach и люди в длинных плащах.

Макс встал, застёгивая пиджак. Маска безжалостного миллиардера и теневого императора снова легла на его лицо. Он был готов убивать.

Я поправила на руке бриллиантовый браслет-глушилку, подаренный Габриэлкой, и надела тёмные очки, скрывая глаза. В моей сумочке лежал рисунок Миранды с солнцем. А в моей душе горел холодный, безжалостный огонь.

Шасси коснулись бетона.

— Добро пожаловать в Париж, миссис Де Сантис, — тихо сказал Макс, протягивая мне руку.

Я вложила свою ладонь в его.

— Пусть начнётся бойня, мистер Де Сантис.

Глава 54. Город огней и теней

Париж не встретил нас романтикой. Он встретил нас стеной холодного, колючего дождя, который хлестал по взлётной полосе аэропорта Ле Бурже, превращая огни взлётно-посадочной полосы в размытые кровавые пятна.

Как только трап частного джета коснулся бетона, я почувствовала, как воздух в салоне изменился. Он стал тяжелым,

наэлектризованным. Макс, который последние два часа сидел напротив меня с закрытыми глазами, словно медитирующий монах, открыл их. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Это был взгляд акулы, почуявшей кровь в воде.

На асфальте нас уже ждали. Два чёрных бронированных внедорожника с тонированными стёклами и трое мужчин в длинных непромокаемых плащах. Они не держали зонтов. Дождь стекал по их лицам, но они стояли неподвижно, как надгробия.

Макс первым спустился по трапу, его чёрное пальто развевалось на ветру. Он не обнял меня, когда я вышла следом. Он просто протянул руку, и я вложила свою ладонь в его. Его пальцы были ледяными, но сжали моё запястье с такой собственнической силой, что у меня перехватило дыхание.

— Голову вниз, Вера. И не смотри по сторонам, — бросил он сквозь шум дождя и гул турбин.

Мы скользнули в салон головного внедорожника. Дверь захлопнулась, отрезая нас от шума Парижа. Внутри пахло дорогой кожей, оружейным маслом и мужским потом.

Машина рванула с места, и мы понеслись по ночным улицам. Я смотрела в окно. Эйфелева башня вдалеке была похожа на гигантский скелет, пронзающий брюхо свинцовых туч. Мы ехали не в сторону Елисейских полей или Лувра. Мы углублялись в Ла-Дефанс — деловой квартал, где стеклянные небоскрёбы-монолиты стояли, как безмолвные стражи корпоративной жадности.

— Куда мы? — спросила я, инстинктивно положив ладонь на живот. Малыш внутри меня тихо толкнулся, словно тоже чувствовал нарастающее напряжение.

— В бункер, — ответил Макс, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида. — У Валериуса глаза и уши на каждом углу. Полиция, консьержи, водители такси — он купил этот город ещё до того, как ты научилась ходить по подиуму. Нам нужно место, где его крысы не смогут нас учуять.

Мы остановились у подземного паркинга одного из самых уродливых и мрачных зданий квартала. Лифт без кнопок, открывающийся только по скану сетчатки глаза Макса, увёз нас на минус третий этаж.

Двери разошлись, и мы оказались в огромном, стерильно-белом пространстве. Здесь не было окон. Только бетон, сталь и ряды мониторов, мерцающих в полумраке.

У центрального стола стоял мужчина. Ему было за пятьдесят, его лицо пересекал уродливый шрам, тянувшийся от левого уха до ключицы, а в зубах дымилась тонкая сигара. Это был Бастьен — корсиканец, человек, который десять лет назад помог Максиму уничтожить филиал семьи Де Сантис в Марселе. Человека, которого боялись даже парижские синдикаты.

— Mon ami (Мой друг), — просипел Бастьен, увидев Макса. Он не улыбнулся. Он знал, что с Де Сантисом шутки заканчиваются там, где начинается кровь. — Ты привёз свою женщину в мясорубку.

— Я привёз её туда, где она будет в безопасности, пока я буду рвать глотки, — ровным, мертвым голосом ответил Макс, подходя к столу. — Что у тебя есть?

Бастьен бросил на стол планшет. На экране светилась схема огромного особняка в 16-м округе, недалеко от Булонского леса.

— Hôtel de Valerius. Официально — частная галерея современного искусства и закрытый клуб для элиты. Неофициально — скотобойня. Сегодня вечером там проходит «Закрытый кастинг».

Бастьен посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула жалость.

— Мадам, то, что происходит за стенами этого дома... это не мода. Это аукцион. Туда свозят самых красивых, самых сломленных девочек. Их накачивают нейротоксинами, чтобы они не могли сопротивляться, но чувствовали всё. Валериус называет это «Стеклянной оранжереей».

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Как мне попасть внутрь? — спросила я. Голос не дрогнул.

Бастьен усмехнулся, обнажив золотой зуб.

— Никак. Там биометрический контроль. Охрана — бывшие legionеры. Тебя разденут до нитки ещё на входе.

— Меня не разденут, — холодно сказал Макс. Он достал из кейса, который принёс один из его людей, тяжёлый чёр-

ный кейс и открыл его. Внутри лежали не просто пистолеты. Там лежали детали разобранной снайперской винтовки, гранаты и ножи с лезвиями из матовой стали. — Вера пойдёт через главный вход. Как приглашённая звезда. Люсьен, правая рука Валериуса, уже получил её «согласие». Он думает, что она приехала, чтобы занять место Алисы и продать себя подороже.

Бастьен покачал головой.

— Это самоубийство. Если они обнаружат жучок или оружие...

— На ней нет жучков, — перебил Макс, начиная собирать глушитель. — На ней браслет-глушилка, который скрывает её биометрию от их сканеров. А оружие... оружие буду я.

Макс поднял на меня глаза. В них горел такой первобытный, яростный огонь, что Бастьен инстинктивно отвёл взгляд.

— Я буду на крыше соседнего здания, Вера. В восьмистах метрах от его «Оранжереи». Я буду видеть каждый тепловой сигнатур через стены. Если твой пульс подскочит от страха, если кто-то подойдёт к тебе ближе, чем на метр... я прострелю ему коленную чашечку.

— А если их будет двадцать? — тихо спросила я.

Макс защёлкнул магазин винтовки. Звук был похож на взведение курка гильотины.

— Тогда я буду стрелять, пока не кончатся патроны. А потом спущусь вниз и буду рвать их руками.

Позже, когда Бастьен ушёл, оставив нас одних в этом бетонном склепе, Макс подошёл ко мне. Он пах порохом, дождём и безумием. Он опустился передо мной на колени, его большие, шершавые ладони легли на мой округлившийся живот.

— Прости меня, — прошептал он, прижимаясь лбом к ткани моего платья. — Прости, что я втянул тебя в этот ад. Я должен был оставить тебя в Нью-Йорке. Приковать к батарее, если потребуется.

Я запустила пальцы в его влажные волосы, резко потянула, заставляя его поднять голову и посмотреть мне в глаза.

— Слушай меня внимательно, Максимилиан Де Сантис, — сказала я твёрдо, вкладывая в каждое слово всю свою ярость и любовь. — Я не фарфоровая кукла. Я мать твоего ребёнка. И я не позволю какой-то французской мрази продавать моих девочек по кусочкам. Ты не втянул меня. Я пошла за тобой. И если ты посмеешь сейчас сломаться и начать меня жалеть, я сама застрелю тебя из твоей же винтовки.

В его глазах вспыхнула искра. Тёмная, голодная, восхищённая.

— Ты ведьма, — хрипло выдохнул он.

— Я твоя жена, — ответила я, наклоняясь и кусая его за нижнюю губу до крови. — А теперь иди и подготовь свою позицию. У нас есть работа.

Глава 55. Закрытый кастинг

Особняк в 16-м округе выглядел как крепость, замас-

кированная под дворец. Высокие кованые ворота, увитые плющом, скрывали внутренний двор от посторонних глаз. Дождь стих, но воздух остался тяжёлым, пропитанным запахом мокрого асфальта и дорогих духов.

Я вышла из чёрного лимузина, который предоставил Бастьен. На мне было платье от Tom Ford — чёрное, как бездна, с глубоким вырезом, обнажающим ключицы, и длинными рукавами, скрывающими браслет-глушилку Габриэллы. На пальце правой руки тяжелело кольцо с чёрным камнем. Смерть, спрятанная в оправе из белого золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.